

18+

Владислав Иванович
Казаченко

**Сказы
старого
Акына**

Владислав Казаченко

Сказы старого Акына

«Издательские решения»

Казаченко В. И.

Сказы старого Акына / В. И. Казаченко — «Издательские решения»,

Это не просто истории, это горькая и острая правда, упакованная в форму современного эпоса в исполнении народного певца — философа и импровизатора. Девять сказов о том, как за стенами высоких кабинетов и блеском цифровых технологий теряется человек. Тут коты обладают искусственным интеллектом, коррупция искривляет пространство-время, а золотые рыбки проводят рейдерские захваты. Читайте, если готовы посмеяться над абсурдом нашей жизни и не боитесь задуматься чего в нас ещё осталось настоящего.

© Казаченко В. И.

© Издательские решения

Содержание

Появление Акына	6
1. Сказ о визите во времени	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Сказы старого Акына

Владислав Иванович Казаченко

© Владислав Иванович Казаченко, 2026

ISBN 978-5-0070-0018-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Появление Акына

Начну издалека и по времени и по расстоянию. Иначе не будет понятна моя связь с Казахстаном, а, следовательно, останется под вопросом, как и почему я познакомился с Акыном.

Даже не в прошлой, а в позапрошлой жизни довелось мне два сезона по четыре месяца работать в Казахстане. Любопытство у меня соответствовало возрасту, поэтому работа не была трудной, она была интересной. Работал я в геологии, поэтому никаких городских или исторических мест увидеть не довелось. Но зато природы хватило на три жизни.

Попробую показать несколько впечатлений из некоторых мест, в которых нам довелось бывать или работать и таким образом составить некоторое впечатление о Казахстане. Заметьте, эти впечатления отражают лишь восприятие 21-летнего пацана.

Первый отрезок нашего пути составлял около 600 км, начинаясь в Агадыре и заканчиваясь в районе Карсакпая. Я знаю, что все географические названия кардинально поменялись. Буду употреблять те, которые запомнил с давних времён. Думаю, их можно сопоставить с современными, если у кого возникнет такое желание.

Все 600 км проходили по выжженной равнине. Однообразие иногда разбавлялось встречными посёлками. Все они были похожи, как две капли воды: единственная улица, являющаяся частью трассы и круглая площадь со стоящими по окружности небольшими одноэтажными домиками. Обычно это была Почта, магазин со смешным названием «Смешанный», Аптека и что-то ещё, видимо административное.

Специально для нашего развлечения, одним из этих домиков всегда была столовая, а если точнее — «Лагманная». Лагман в каждом посёлке был немножко иным, но всегда изумительно вкусным. В нашем коллективе было 18 человек и при каждой остановке они делились на две части: Одни толпились у входа в лагманную, другие у входа в деревянный туалет, почему-то всегда стоящий в центре площади.

Ещё в Ленинграде геологическими аксакалами было определено место первого лагеря. Общее название местности было «**Бетпак-Дала**» или «**Голодная степь**». Хотя дословный перевод звучит иначе — «**Злосчастная равнина**». Лично для меня это не слаще ни хрена, ни редьки. Направь любого человека разбить лагерь в местности с таким милым названием, и вы создадите у него абсолютно специфическое настроение. Я полагал, что связано это было с оправданием наших надбавок — так называемых, «безводных». Предположение оказалось совершенно пустым!

Против аксакалов не попрешь: километрах в двадцати от трассы, в Голодной степи или на Злосчастной равнине, это как вам будет угодно, в точке, которая на карте была обозначена пересечением двух синих пунктирных линий, означающих слияние двух пересыхающих речушек — Бала-Жезды и Кайкан-Карасу, нам необходимо было поставить свои палатки.

Внешний вид этой степи-равнины абсолютно соответствовал названию: холмы, холмы из выжженной глины и ни единого кустика. Только кое-где торчали палки какой-то высохшей травы. 20 км от основной трассы мы преодолевали по разбитой колее более часа. В какой-то момент колея повернула влево и пошла немного вниз. Наши машины остановились наверху и перед моим взором открылась чудесная картина.

Райская долина, ограниченная с противоположной стороны невысокой обрывистой стеной. Посередине — небольшое ярко-голубое озеро, окружённое внутренним поясом камыша и внешней полосой кустов и невысоких деревьев. А далее — не очень широкая каёмка травы, переходящая в уже привычную высохшую глинистую почву. Очень интересно было то, что и камыш, и кусты, и полоса травы вокруг были ярко-зелёного, но совершенно разного цвета.

Впечатление усиливалась тем, что нам с высоты был виден не только оазис внизу, но и вся выгоревшая жёлто-коричневая степь наверху, простирающаяся во все стороны. Контраст был ошеломительным!

Русла рек, которые наполнялись водой во время таяния снега и серьёзных осенних дождей, проходили вдоль разломов. Благодаря этому, в сухое время года, когда потоки исchezали, оставалась цепь небольших озёр, имевших совсем иную природу. Озёра, задолго до нас названные «плёсами», находились в трещинах разломов и питались от подземных, вернее, подводных, источников, за счёт чего вода была исключительной прозрачности. За первые 3—4 метра от берега дно плавно понижалось до полутора метров. Такая глубина позволяла расти камышу, который создавал очень густые заросли. Дальше глубина достаточно резко падала до 5—6, а может, и более метров. На такой глубине ничего не росло. Плоское дно иногда повышалось до глубины 2—3 метров и здесь были настоящие заросли, буквально джунгли, различных подводных растений, длина которых много превышала 2 метра. Было такое возвышение дна и в плёсе, около которого мы разбили свой лагерь.

О том что в плёсе есть рыба, причём приличная, мы узнали в первый же день. Кто-то пошёл набрать воды и увидел сквозь прозрачную воду метрах в 10 от берега в зарослях травы висят тёмные блины. Несмотря на почти чёрный цвет, блины периодически вспыхивали ярким золотом, отражая игру косых солнечных лучей, пробивающихся сквозь траву. Это были килограммовые караси!

Тут-то и разрешилось одна из мучивших меня загадок. Во время формирования контейнера в Ленинграде, один из наших сотрудников — 27-летний кандидат наук по имени Валера, на моих глазах положил в свой выючник маску и ласты, а подводное ружьё завернул в спальник. С этими предметами я был хорошо знаком — мои родители жили на берегу Чёрного моря. Соответственно, там жил и я до отъезда сначала в армию, а затем и на учёбу в Ленинград. Конечно, я стал приставать к своему старшему товарищу по поводу этих предметов, но шутник уходил от ответа. В конце концов, что-то отвлекло меня и загадка подвисла в воздухе.

Прошло время, но воспоминания настолько яркие, что описывать эту нашу стоянку я могу практически бесконечно. Придётся существенно сокращать.

У нас был следующий рабочий режим. Завтракали в семь утра, а к восьми машины отвозили нас в начало маршрута. Маршрут протяжённостью 15 км мы должны были закончить в три дня. Примерно в это время нас забирали машины и везли в лагерь. В четыре — обед, разбор собранных образцов и часов в восемь вечерний чай.

Целью маршрута было следующее: на протяжении 15 км через определенное расстояние найти выход коренной породы, взять её образец, наклеить кусочек пластыря с соответствующей пометкой и уложить в подписанный геологический мешочек. Для дополнительных замечаний существовал геологический дневник. К концу маршрута набиралась килограммов 12—15 образцов. Как вы видите работа не очень затруднительная: ходи на природе, маши себе геологическим молоточком и складывай добычу в рюкзак.

Лёгкую жизнь слегка осложняла температура, которая в середине дня стабильно переваливала за 40°. Каждый из нас брал по две фляжки чая и тот же геологический мешочек с кусочками сахара. В целом каких-то особых мучений от высокой температуры в этом районе я не запомнил.

Однако на всю жизнь запомнил яркий контраст между прогулкой в маршруте по голой выжженной степи и подводной охотой в райском мире прозрачайших озёр, куда мы с Валерой либо иногда вечером, либо в редкие выходные бегали со снаряжением. Мы всегда делили плёс пополам и бросали жребий кто плывёт первым.

Происходило серьёзнейшее соревнование — кто настреляет больше метров рыбы. К концу полутора месяцев, а именно в последний день, я застрелил метровую щуку и вырвался вперёд. На моём счету было 13 м 20 см. А на счету Валеры — 12 м 97 см! Понятно, когда

мы возвращались в лагерь с последнего плёса, я шёл гоголем. Однако, радовался я рано! На подходе к лагерю в кустах тальника верещала вредная сорока. Она была нашим давним врагом, криком мешая подобраться к какой-либо съедобной добыче, типа зайца.

Неожиданно Валера, в руках у которого были ласты, запустил один из них наподобие бумеранга в направлении сороки. И попал! Сорока замертво свалилась с ветки, А Валера, недолго думая, взял рулетку и измерил её длину, которая вместе с хвостом составила 47 см. А дальше случилось то, что окончательно повергло меня в шок: он достал дневник, и хладнокровно приплюсовал эти сантиметры к своему результату, приговаривая, что если объект добыт с помощью подводного снаряжения, то это, безусловно, рыба! При этом, он оказался впереди на 24 см! Хочу сказать, что спор не разрешён до сих пор.

Наступив на горло собственной песне, пойду дальше.

Следующий отрезок нашего пути от Карсакпая до села Джамбул на севере пустыни Муюн-Кум протяжённостью около 1 000 км я описывать не буду. Обычно в отчётах пишут — смотри выше.

Затем был переход через пески, который пропустить я никак не могу. Пески назывались Муюн-кум, что переводилось старыми геологами, как «пески смерти», хотя я знаю, что перевод звучит иначе.

Началось с того, что после 50 км, то есть через 5 часов, у одной из машин лопнула рессора. Ситуация любому неопытному человеку казалась тупиковой. Лично у меня, собственно, руки и опустились — запасной рессоры не было и не предвиделось! Как не было и никакой дороги. Вместо дороги были параллельные колеи от автомобилей общей шириной пару километров.

От начальника партии поступила команда: рассыпаться по всей ширине этой «дороги» и по малому двигать вперёд с целью поиска металлолома, а именно испорченных но не разобраных рессор. Не знаю как вы, а я раскрыл рот, когда мы пройдя пару километров, вернулись назад с горой разнообразных рессор.

Как говорится во всём плохом есть и хорошие стороны. Дело в том, что полетели рессоры у нашего ГАЗ-63, которые за счёт программы унификации во многом совпадали с рессорами ГАЗ-51, несовпадение было лишь в количестве листов. Последний был на тот момент самым популярным грузовым автомобилем. Поэтому рессоры от него составляли ровно половину от натащенного горе-геологами металлолома.

Самое трудное было их разобрать, добираясь до целых листов. Однако наши водители часа за три с этой задачей справились на ура. Из полученных листов были собраны два, практически новых комплекта. Новых, если конечно не считать возраста самого металла!

Скажу сразу, эти два комплекта протянули ещё 350 км, и последний не дотянул до города Джамбул всего 8 км. Не хочу чтобы вы запутались: Джамбулов на нашем пути было два. Первый Джамбул — это село куда мы пришли из Карсакпая и откуда двинулись в пустыню. Второй Джамбул — это город на реке Талас, куда мы попали после пересечения пустыни. Прошу не перепутать: мы вышли из **села** Джамбул на севере пустыни и пришли в **город** Джамбул на юге.

Вот ещё пара зарисовок с этого пути. Днём температура переваливала за 50° и я впервые столкнулся с «эффектом сауны». Это когда поднявшийся ветерок не охлаждает, а дополнительно обжигает тело. Невольно вспомнишь помахивание веником в парной! Песок нагревался до 70° и выше. Хотелось провести эксперимент с яичницей, но не было яиц. Самые сильные ощущения были от мелкого песка, попадающего с ветерком под штормовку на влажное тело. Тут я понял где изобрели наждачную шкурку! Ночью температура опускалась до 18°.

В самом центре пустыни машины упёрлись в солёное озеро. Оно находилось под огромной рыжей скалой, напоминающей башню древнего замка. В геологии такой выход породы называется «останец». Около озера вились огромные стаи птиц размером с голубя.

Мы подстрелили парочку, исключительно из гастрономических соображений. У запасливого Валеры во व्यючнике нашёлся «Определитель птиц». Добычу нашу опознали по ногам: у неё абсолютно не было пальцев в привычном понимании этого слова. Была такая круглая пятка, напоминающая култышку, из которой в разные стороны торчали коготки. Даже дилетанту было ясно, что такая форма ноги определялась температурой песка. Оказалось что птичка называется бульдурук или копытка. Не знаю насчёт иных названий, но вкус у неё был замечательный.

Относительно недалеко находилась метеостанция, на которой нас ждал очень странный приём. После суточного перехода по песчаным барханам, казалось, что встреча с людьми должна вызывать эмоцию радости. Тут же, безо всякой радости, нам дали воды, но даже во двор не пригласили. Позже я узнал причину такой настороженности.

Пустыня была местом падения первых ступеней ракет, запускаемых с Байконура. Поэтому в песках присутствовали два типа охотников: «сталкеры», которые охотились за «транзисторами со звёздочкой», и сотрудники КГБ, которые охотились за сталкерами. И те и другие представляли для работников метеостанции достаточную опасность. Примешь сталкеров за геологов, и попадёшь под серьёзную проверку в городе Ташкенте. Примешь за геологов работников КГБ и сболтнёшь что-нибудь не то — попадёшь туда же. Поэтому, как говорится, «моя хата с краю».

В пустыне мне довелось увидеть очень редкое явление — зелёный закат. Причём, не «зелёный луч», появляющийся на 1—2 секунды, а достаточно долгий зелёный закат. Геологические аксакалы сказали, что это вызвано присутствием очень мелкой пыли в воздухе.

После песков с температурой 56°, рынок в городе Джамбул представился мне рынком в раю. Загородки из сетки высотой метра 4 были полны арбузами и дынями, длинные-длинные ряды различных фруктов и отдельно длинные ряды резаной морковки. Мастерицы, которые её резали производили волшебное впечатление. Казалось бы, нельзя одним ножом работать с такой скоростью, получая длинные тонкие полоски совершенно одинакового размера. Но и не верить было нельзя — всё происходило на ваших глазах! Заодно можно было оценить количество плова, которое готовилась в городе ежедневно!

После ремонта и профилактики, наш путь лежал на Киргизский хребет. Мы ехали по дороге в сторону Алма Аты на расстоянии километров 30—40 от линии гор. В какой-то момент съехали с трассы и поехали напрямик к тёмной линии. Видел я разные горы и раньше, но здесь был реально поражён. Мы проехали 5 км — тёмная полоса оставалась на месте. Проехали 10 км — вид никак не изменился! Проехали 20 км — горы по-прежнему были так же далеко! И только после тридцать пятого километра они начали стремительно приближаться. Вот так я познакомился с законом перспективы далёких и высоких гор.

Горы были безлесые, истоптанные горизонтальными линиями овечьих тропок. Кое-где зияли проёмы проходов внутрь хребта. Мы подъехали к одному из таких ущелий и вдруг обнаружили что примерно 70-метровой проход загорожен металлической сеткой, высотой метров до 5. В сеточной стене были ворота, а за сеткой две-три небольших постройки. Рядом стояла пара тракторов «петушок».

Залаяли страшнющие на вид собаки. Вышел достаточно приветливый русский мужичок. Марк — начальник партии, о чём-то пошептался с ним, показал какие-то бумаги, и ворота распахнулись. Мы двинулись вверх по распадку вдоль небольшого ручья. Подобные ручьи в горах все геологи называют «сай». Вообще-то «сай» по-тюркски это русло, скорее без воды, которая именуется «су». Но нам были простительны такие небольшие огрехи.

Как только мы въехали в сай, сразу стал ясен закрытый вход и въезд. В этих достаточно сухих горах вся жизнь сосредотачивается в подобных распадках у воды. Растёт даже камыш! Однако в данном случае человек попытался изменить природу. Вместо тальника, арчи, диких урючин и прочих прелестей был насажен рукотворный сад. Причём, обильно плодоносящий!

Когда чуть позже мы обжились и присмотрелись, оказалось что внизу поспевали поздние яблоки, а наверху, километрах в семи от ворот, зрел белый налив. Причём, перепад высот был невелик — метров 500. Мы поднялись ещё немножко выше и на одном из расширений за счёт примыкания бокового сая разбили свой лагерь. Высота там была примерно 1800—1900 м.

Я не буду тратить много времени на описание всех чудес, которые увидел. Кроме фруктовых садов было очень множество различной жизни — от архаров до кекликов. Архары попадались не каждый день а кеклики — каменные куропатки, бродили по своим тропинкам к водопою вверх и вниз ежедневно.

Был у нас очень худенький водитель по имени Кахор. Мы прозвали его «шегиртке-палан» — кузнечик богатырь. Он был очень сообразительный и способный, жилистый и сильный. Так вот этот «богатырь» умело делал петли и расставлял их поперёк дорожек кекликов. Он постоянно плакал, что нет у него конского волоса, который не скользит. А из скользкой лески убегает 80% птичек. Но, всё-таки, что-то оставалось! Так вот, никогда в жизни я не ел более вкусного мяса, чем кеклик на костре.

Перечитал написанное и остался недоволен. Мне совершенно ясно, почему я познакомился с Акыном, но поймут ли это другие? Поймут ли они, чем меня так зацепил Казахстан, что я более 50-ти лет помню все события и географические названия? Испытывая от собственного писательского труда некоторую неудовлетворённость, перехожу к основному рассказу.

Не так давно я в личных целях попал в один из крупных городов России. В вечернее время мой возраст подразумевает в основном променады. Гуляя в очередной раз в центральном сквере, я был несколько удивлён, когда увидел ресторан казахской кухни.

Если вы прочли написанное выше, то понимаете, что пройти мимо я никак не мог. Ресторан производил очень хорошее впечатление. По залу передвигались девушки в национальных костюмах, которые никак не походили на театральные. Соответствующим было и оформление. На эстраде оркестр наигрывал очень приятную восточную мелодию. Эстрада выглядела, как половинка юрты, за счёт образующих её пространство длинных изогнутых деревянных жердей. А в конце просторного зала стояла юрта настоящая! В двигатели торговли я никак не гожусь, поэтому описанию восточной роскоши времени уделю мало. Тем более, что вскоре состоялась встреча с Акыном, вокруг которой завертелась моя новая жизнь.

В казахском ресторане я никогда не был, но зато часто бывал в ресторанах узбекских. Когда увидел на соседних столиках чайники, пиалы и вазочки со сладостями, я понял, что есть кое-что схожее в традициях и для начала попросил чай со сладостями и сухофруктами. Естественно, были и отличия. Чай здесь пили с топлёным молоком.

Приветливая официантка, которая принесла заказ, была одета в белоснежную рубашку, тёмно-зелёную жилетку, юбку до пола того же цвета, расшитую внизу серебром. На голове у неё была небольшая бархатная шапочка в тон безрукавке, также украшенная серебряным орнаментом и небольшим пучком серых птичьих перьев. Одним словом, девушка была исключительно красива и наряд так органично подходил к ней, как будто она в нём родилась!

Увидев некоторую мою скованность и поняв, что я попал в ресторан достаточно случайно, она быстро и толково объяснила основные традиции казахского чаепития. А затем добавила своим ангельским голоском:

— Вам повезло! Сегодня будет выступать Акын! Если хотите, я выберу для вас удобное место, откуда вы всё увидите и услышите.

Слово «Акын» мне, конечно, было знакомо из литературы, что, однако, не давало никакого представления о живой фигуре народного певца.

— Если вас никто не сменит, то, безусловно, я согласен!

Она повела меня за маленький двухместный столик, стоящий в укромном уголке неподалеку от юрты. Только сейчас я обратил внимание на то, что эта сторона зала была заполнена значительно плотнее. Кроме обычных столов с креслами, здесь были небольшие возвышения

вдоль стен, огороженные невысокими барьерами. Они были покрыты красивыми коврами и большим количеством расшитых подушек. Посередине находились низкие столы, вокруг которых, используя подушки, располагались небольшие компании посетителей, которые, видимо, хотели отдохнуть в традиционном стиле.

— До выступления, которое начнётся в девять, ещё около часа. Я вас не тороплю, но может быть вы хотите покушать?

Вы конечно догадались, что я заказал. Правильно — лагман! Причём, выбирать мне пришлось из достаточно большого списка. Но и здесь я сомневался недолго — традиционный казахский лагман. Меню было обширным, и я тогда ещё не знал, что за следующие два месяца попробую практически всё.

Я ожидал выступление с некоторым сомнением. Честно говоря, я глух, как к классической, так и к народной музыке. То есть, и там и там есть, конечно, произведения, которые мне нравятся. Но, в основном — «мимо». Последние лет 20 я об этом жалел, считая, что жизнь от этого становится беднее. Представьте себе, что вы не чувствуете вкуса сладкого. Из вашей жизни исчезают конфеты, торты, кисель, который я так люблю и многое другое. Пример, конечно смешной, но, как мне кажется, понятный.

Рядом с юртой висело много больших фотографий в рамках с изображениями традиционной казахской одежды. Тут же были очень красивые музыкальные инструменты — домбры. А в начале, видимо, для дилетантов типа меня — небольшое разъяснение, кто такой акын.

Певец-импровизатор и философ, аккомпанирующий себе на домбре, олицетворяющий дух степей и мысли народа. Каждое его выступление — это абсолютно новое произведение. В прежние времена акын был единственным человеком, который мог сказать в лицо хану неприятные для того слова.

Наконец войлочные пологи юрты откинулись и стало видно её внутреннее убранство при неярком тёплом свете. Богато расшитые ковры, на которых лицом ко входу сидел пожилой человек в исключительно красивом наряде. На нём был расшитый халат тёмно-зелёного цвета. Видимо это был цвет, выбранный рестораном, как фирменный знак. А может быть, этот цвет отражал цвет весенней степи? Из фотографий на стене я уже знал, что халат называется «шапан». На голове у акына был белый фетровый убор с отвёрнутыми полями, Расшитый зелёными, в тон халата, национальными узорами.

Всё было исключительно красиво, но при этом не было никакого намёка на театральные декорации — всё было абсолютно настоящим!

Первые минуты выступления для меня выглядели неким звуковым фоном. Хрипловатый голос акына, поющего, естественно, на казахском языке, сливался с негромким, но каким-то особенным, звуком его домбры. В отличие от меня слушатели были вовлечены в это повествование полностью. Они покачивались в такт и иногда издавали негромкие, но явные вздохи одобрения, страха или сожаления. Это безусловная влияло, в свою очередь, на выступление артиста.

Понять смысл песни я не мог, но вдруг услышал в звуках струн знакомые образы. Это были раскаты грома, ветер в степи, топот лошадей и многое другое. Я никак не мог поверить что инструмент, который мы давным-давно дразнили «один палка, два струна», может издавать такие мелодии. Здесь несомненно была рука великого мастера.

Когда выступление закончилось и полог юрты закрылся, я ещё около часа сидел за чаем, переживая услышанное. Выйдя из ресторана, я пошёл по аллеям сквера и вдруг услышал знакомые негромкие звуки домбры. Пересечения аллеи сквером создавали небольшую круглую площадку по периметру которой стояли лавочки.

Было достаточно светло от фонарей и я увидел, что на одной из них сидит Акын, одетый совсем по-иному — в обычном костюме и рубашке без галстука, держит в руках инструмент и что-то рассказывает слушателям. Причём, по-русски. Насколько я мог разглядеть, слушатели

были молоды — не старше лет двадцати двух и было их достаточно много. Уверенно могу сказать, что они не были посетителями ресторана. Я присел на свободный краешек, но, к сожалению, уловил лишь две последние фразы, которые вне контекста не понял.

Акын спрятал домбру в футляр и публика начала расходиться. Через пару минут на площадке сквера остались я и Акын, который нарушил молчание первым:

— Я видел вас в зале! — Акын улыбнулся чуть прищурив глаза.

— Как это ни странно, я тоже! — И мы засмеялись.

Благодаря европейскому типу лица, который по статистике встречается у тридцати процентов казахов, и особенно голубым глазам, Акына с одинаковым успехом можно было принять и за казаха и за русского. Немного его выдавал лёгкий азиатский прищур глаз.

Позже я узнал, что были у Акына отличительные черты, связанные с профессией, вернее, с призванием: футляр с инструментом, постоянно находящимся при хозяине, серебряная печатка на мизинце правой руки и тиснённый народными узорами кожаный ремень.

— Вы зашли в ресторан случайно или вас что-то связывает с Казахстаном? — Он сидел расслабленно положив руки на колени, но глаза у него были внимательны. Я бы назвал такой взгляд, взглядом исследователя.

И я совершенно неожиданно для самого себя рассказал ему о своих казахских приключениях. Он слушал не перебивая, только иногда кивал головой, видимо, узнавая знакомые места. А когда узнал, сколько лет прошло с тех пор — совершенно по-мальчишески присвистнул.

— Так долго хранить достаточно точные воспоминания, для того, чтобы через 50 с лишним лет зайти в ресторан — это впечатляет!

— А как вы оказались в России?

— Сразу скажу, ответ мой будет противоречив! Казаху запрещено иметь двойное гражданство, зато вид на жительство в России получить просто. Поэтому в соответствии с установленным порядком я полгода провожу в России, а полгода в Казахстане. Противоречие будет в том, что я не считаю Россию другой страной! Я родился и вырос в Советском Союзе и до сих пор уверен что это была правильная политика. Скажите пожалуйста: русские угнетали казахов? А казахи русских? Какая же причина послужила разделению, если было мирное добрососедское существование?

При этом болтовню про желание нации на самоопределение, можно оставить за пределами дискуссии. Хотя бы потому, что, как мы выяснили минуту назад, не было никакого давления одного этноса на другой. Союз можно было называть как угодно: Хоть большой Россией, а хоть огромным Казахстаном. Невозможно было определить, кто где жил. Казах в составе Большой России, или русский в составе Огромного Казахстана. Права и обязанности у всех были одинаковые. А тогда непонятно — кто от кого должен отделяться, и почему? Если это не так, и есть реальная причина деления, то сегодняшний Казахстан должен разделиться на 124 части. Тут и русские, и уйгуры, и немцы, и даже корейцы. Но попробуйте сказать это ребятам, которые руками и ногами голосовали за самостоятельность Казахстана.

Поэтому, при отсутствии угнетения одного народа другим, раздел государства может быть вызван только стремлением к власти и обогащению отдельных лиц.

Я встал и молча пожал руку Акына. Так началось наше общение. Я приходил по средам и субботам — дням выступления мастера. Заказывал какое-нибудь новое блюдо на пробу, слушал виртуозную игру, а затем спешил в сквер занимать место на лавочке. Молодёжь ко мне привыкла и не обращала никакого внимания. Акын сплетал для них каждый раз новую историю, которая каждый раз вела к новым выводам. А после этого мы сидели с ним на лавочке и неторопливо разговаривали. Я попытаюсь повторить кое-что из этих бесед.

Конечно самым интересным вопросом для меня была причина его общения с молодыми людьми. Долгое время Акын уходил от ответа, уходил совсем не обидно — с шутками и улыб-

кой. Наконец, видимо начав доверять мне больше, он ответил на этот вопрос. Отрывочно, за несколько раз, но ответил! Я попытался «сшить» его рассказ воедино.

— Видите ли, я абсолютно уверен что человечество движется к гибели. Причём, скорее всего, гибель наступит не от какой-то глобальной катастрофы, а от поведения самого человека. Вы можете это почувствовать, внимательно оглядевшись вокруг.

Достаточно лишь одной приметы такого прогноза. Ежегодно на Земле от голода гибнет 10 млн человек. С другой стороны, в самой развитой стране мира, по их собственному признанию, на помойку в нераспечатанном виде выбрасывается 35% продуктов питания. Как минимум, половина из них находится в пределах сроков годности. Зная, что в этой стране проживает 380 млн человек, вы легко можете подсчитать, какое количество людей можно прокормить выброшенными продуктами.

Лично для меня это служит доказательством того, что никакого разума у человека нет. А любой вид высших живых существ, не имеющий разума, то есть, не способный определить верное направление развития, погибает в течение среднего срока в полтора-два миллиона лет.

Доказать это крайне легко. Подтриба *Hominini*, то есть группа, включающая людей и всех их вымерших предков, появилась всего пять-шесть миллионов лет назад. На сегодня в эту группу включены около 25 видов, пять из которых были явно разумными, а ещё десяток умели изготавливать сложные орудия. Каждый год дополнительно определяются новые виды. Если вы оглянетесь вокруг, то увидите, что из всего этого перечня остался всего один вид! На сегодняшний день ему исполнилось 300 тысяч, так что, скорее всего, вымирания ждать придётся недолго.

Существует ли выход? Представьте себе, что каждый вид живых существ — это отдельный кораблик в бурном океане. Надеюсь, не надо доказывать, что корабль не имеющий управления рано или поздно погибнет. Для млекопитающих самое позднее — через 3 млн лет.

Единственный выход из положения в наличии разумной команды, которая может взять на себя управление кораблём, определив его маршрут в безопасную гавань. К сожалению, предыдущий пример показывает, что ожидать разумное поведение от команды нашего кораблика не приходится.

Я пытаюсь, в меру своих сил, объяснить молодёжи тот факт, что человечество потенциально в состоянии создать подобную команду. Для этого требуется исключительно простая вещь — добиться того, чтобы человеком руководили не эмоции, а разум! Но это уже другой разговор...

А вот от «другого» разговора он уклонялся вплоть до моего отъезда. Сказал следующее:

— Скоро мы разъедемся по домам. Мне очень хотелось бы, чтобы вы сами сделали вывод из моих рассказов. А потом мы сравнили наши выводы. Ведь я надеюсь, что мы ещё встретимся? Я не возражаю против того, чтобы вы записали несколько рассказов и попытались донести их до окружающих.

Сегодня Акын в Казахстане. Я жду его возвращения, чтобы встретиться с ним ещё раз. А пока результатом нашей встречи явились следующие девять историй.

1. Сказ о визите во времени

— Как вам давно известно, многие открытия совершаются, на первый взгляд, внезапно. Практически — случайно. Но это только на первый взгляд! При ближайшем рассмотрении, случайность эта оказывается тщательно подготовленной.

Я поставил такой вопрос перед нашими экспертами. Ой, как они закудахтали:

— Вы можете себе представить, что будет твориться, если в каждую голову, по которой шваркнет яблоком, придёт закон всемирного тяготения?! Тут на один закон учебного времени не хватает. А на сотню?! Или представьте себе кучу клиентов мыльни, которые, подвсплыв в ванной, выскакивают голыми на улицу с криком «Эврика»! Ладно, когда один! Тут тебе и карета, и медбратья. А где на всех карет набрать в случае массового исхода? Хотите знать, что будет? А будет то, что сегодня же во всех газетах у супостата на первых полосах появятся статьи о том, как по российским городам бегают намыленные полувыбритые медведи! Да с фотографиями!

По мнению экспертов, случайность открытия — это совсем не случайность. Крепкие, хорошо всплывающие тела, с надёжно закреплёнными на шее головами, способными выдерживать удар серьёзного яблока — вот предварительные условия подготовки открытия. Лично я называю это «закономерностью случая». Именно таких специалистов у нас прекрасно готовит система высшего образования.

— Разворчался я слегка, пора переходить к делу. — Акын искоса глянул на собравшуюся публику. — И речь я хочу повести о студентах. Как говорится, молодым везде у нас дорога!».

Расскажу я сегодня вам сказ про студента МГУ: парня по прозвищу Михайло Васильич или попросту — Ломоносов. Звали его действительно Михаилом. Но никаким Васильевичем, и уж тем более Ломоносовым, он, конечно, не был. Просто был наш паренёк из местечка под названием Холмогоры, что под Архангельском. То есть, именно оттуда, откуда настоящий Михайло Васильевич 25 дней топал с рыбным обозом, с целью устроиться в **Славяно-греко-латинскую академию**.

Современный Миша был настоящим помором — клубника со сливками, полностью подходящим для звания будущего учёного: хорошо подвсплывающее тело при росте 1,91, устойчивая к яблочным ударам голова. Михаил шёл по следам своего гениального предшественника и в каком-то смысле даже оптимизировал этот путь. Он приехал в Москву на фуре с рыбой, оказывая помощь штатному водителю, так как с девятого класса дома крутил баранку лесовоза, помогая родителям. Правда, путь занял не 25 дней, а всего лишь сутки. За помощь Мише заплатили 10 000 руб. Кстати, купейный билет на поезд от станции Холмогорской до Москвы стоит 5 900 руб.

— Да не перепутайте! — Акын покачал в воздухе своим длинным красивым пальцем. — За билет надо заплатить, а Миша получил! Я надеюсь, после этого замечания у вас начнут появляться первые штрихи к портрету нашего героя.

Поступления он не боялся. Оценки по ЕГЭ у него были высокие — все за 95. Правда, было ещё ДВИ — дополнительное вступительное испытание, но в итоге и оно оказалось несложным. Таким образом наш помор 4 года назад стал студентом бюджетного отделения экономического факультета. Название «бюджетное отделение», кстати, отлично вписывается в определение современного образования. Стандартная стипендия составляет всего 3 300 руб в месяц. Богато, ничего не скажешь!

Современный Михайло Васильич, будем именовать его именно так, в отличие от прежнего, которого будем называть просто — Ломоносов, привык добиваться поставленных целей и уже со второго курса начал получать повышенную стипендию в размере 14 500 руб в месяц.

Хватало такой стипендии ровно на 30 обедов в Столовой номер 10, известной среди студентов под прозвищем «Полик», которая позже займёт в нашем рассказе своё законное место. Разумеется, вышеописанное научное тело, кроме обедов требовало, как минимум, завтраков и ужинов. Была необходима подработка.

Однако, тратить драгоценное время на добычу пропитания Михайло Васильич не считал возможным. «Здесь вам не там!» — говаривал он, имея в виду Холмогоры. С другой стороны, тратить два алтына в день на хлеб и квас, как Ломоносов, он также не считал возможным. «Современницы не поймут!».

Решение было найдено достаточно быстро, ещё на первом курсе. Как Михайло Васильич додумался где искать, история умалчивает. Относительно недалеко — на механико-математическом факультете, была лаборатория сопромата. Беспрерывно там проводились опыты по разрушению различных образцов специальными машинами. В основном это выглядело так: образец, напоминающий гантельку, вставлялся в специальные захваты механизма который подавал пульсирующую нагрузку. В результате рано или поздно, образец разрушался. Происходило это через продолжительный промежуток времени — до одного месяца.

Скажу сразу, поведение образца мало интересовало Михайлу Васильича. Интересовал его только протокол испытаний, в соответствии с которым при работающих машинах, коих было до тридцати, хорошо бы находиться дежурному. Угадать, когда образец закончит своё существование было невозможно. Он ломался со звуком выстрела, машина останавливала свою работу и подавала звуковой сигнал. Дело человека было убедиться в том, что всё прошло штатно и работа станка действительно остановлена. Одним словом — не бей лежащего. Днём в лаборатории находились сотрудники, а ночью — Михайло Васильич, как дублирующий «концевой выключатель». Вернее, как два выключателя, так как «трудился» он каждый день.

Такая практика не является официальной. Ответственность берёт на себя заведующий лабораторией, который считает что лучше перебдеть. Если при этом он ставит начальство в курс дела — неофициально (!), особого наказания ему не грозит. А вот если случайно «полетит» станок... Для этого и нужен был Михайло Васильич, который «официально работал» днём и был оформлен на одну ставку лаборанта с окладом и надбавками в размере 45 000 руб. Так было договорено с заведующим и вполне устраивало обоих. Теперь он мог пригласить даму в ресторан быстрого питания без образования широкой дыры в бюджете. А желающих дам — ой, как хватало!

А самое главное, на эти доходы совсем не тратилось драгоценное время. Расписание утряслось самым наипрелестнейшим образом. Михайло Васильич ехал после занятий в общежитие ДАС на бесплатном автобусе. В восемь вечера он выбирался на своей лайбе в направлении корпуса механико-математического факультета. «**Лайба**» — это финское слово, означающее большую лодку. Когда-то оно попало к поморам и в результате малой трансформации стало означать любое транспортное средство в отличие от настоящей поморской лодки «**шняки**». В данном случае лайба означала велосипед.

Приятная дорога в течение 30 минут — 6 км чуть в гору, включающая в себя тренировку. За плечами рюкзачок с тонким спальником, лёгким надувным матрасом и ноутом для занятий. Прекрасно выспавшийся в спальнике на надувном матрасе — звук сломанного образца будил его исключительно редко, наш работник в семь утра совершал обратную велопрогулку. Затем душ, завтрак, автобус и к девяти ты уже в корпусе экономического факультета на первой паре.

— Я так подробно рассказываю по двум причинам. — Акын улыбнулся и его, слегка азиатские глаза, сощурились больше. — Во-первых, «мы все учились понемногу...» и так приятно вспомнить то время, а, во-вторых, нам нужно хорошенько понять характер героя — скоро ему предстоит важная встреча.

Необходимо задаться вопросом: как Михайла Васильич оказался на экономическом факультете? Можно было бы подумать — как все. То есть, благодаря желанию заниматься нау-

кой, за предсказания которой вы не несёте никакой ответственности. Возьмите какой-нибудь закон. Например, закон Вагнера: **С ростом доходов населения и развитием экономики государственные расходы растут еще быстрее (?)**. Если вы будете рассчитывать орбиту спутника при помощи подобного «закона», то лет через тысячу ракета, может быть и полетит вверх... Зато как удобно автору расчёта! Никому и в голову не придёт требовать большей точности!

Так вот, стремления Михайлы Васильича были как раз таки обратные. Его мечтой было открытие точных экономических или политэкономических законов за предсказательное действие которых, он мог бы отвечать. Бунтарь эдакий! Что характерно, подобные чувства даны не каждому.

Взять, хотя бы, профессора Слепова В. В., на которого Михайло Васильич в начале пути возлагал большие надежды. Много раз переизданный учебник, 500 публикаций, аспиранты-докторанты — а огня нет! Парадокс! Признанное светило науки, а не орёл! Наш герой был человеком справедливым. Он вполне оценивал техническую работу проделанную профессором за годы деятельности. Но никак не мог определиться: имеет ли право человек называть себя учёным, если свинца в его заднице значительно больше, чем искры божьей в голове! Древний вопрос! Вспомните Моцарта и Сальери.

Так что студент наш экзамены профессору, конечно, сдавал, здороваясь, улыбался и кланялся, но с обсуждениями идей переустройства мира не торопился и держался на расстоянии.

— *Прекратите меня поторапливать! Я понимаю, что интересно! Уже подхожу к сути!*

Как вы помните, одним из персонажей нашего повествования должна столовая «Полик». Что особо интересно, Находилась она недалеко от биологического факультета. Что-ж тут интересного, спросит недотёпа. А то, что на биофаке 70% девушек! Расписание биофака предусматривает сорокапятиминутный перерыв между второй и третьей парами. Любой студент знает, что содержание кошелька юношей и девушек категорически различно. Поэтому ежедневный поток из биофака в «Полик» содержит не более 10% особей мужского пола. А то и менее.

Ровно в 12:25 вы можете наблюдать феерическую картину. Из корпуса «Гербария» стайками вылетают райские птички со сверкающим, как драгоценные камни разноцветным оперением, и щебеча летят к столовой. Какой там, к чёрту, тропический лес! Никакие цветы не могут сравниться с парадом этой красоты!

Экономистам тяжелее — перерыва на обед у них нет. Посещать «Полик» получается только при наличии «окна», что случается не каждый день. Причём, только пару раз совпадает с обедом биологинь. Но уж в этот день мужской состав экономфака присутствует на площадках питательного учреждения в полном составе!

Михайло Васильич заметил Лену ещё в начале третьего курса. А Лена тогда только пришла на первый курс биофака. Как-то сразу Михайла Васильич понял, что дело серьёзное и всякие шуточки с демонстрацией внимания к другим девушкам здесь недопустимы. Леночка была красива какой-то совершенно специфической, не яркой красотой. Если бы были допустимы сравнения, я бы сравнил её с молодой Анной Каменковой.

Всё в ней восхищало нашего героя. Особенно небольшой шрам на верхней губе. Вы будете смеяться — травму нанёс злобный Хозяин двора — Петух, когда двухлетняя Лена отдыхала летом у бабушки. Любой провидец моментально определил бы, что начали завязываться отношения, срок которым — вся будущая жизнь. Но мы с вами не провидцы, мы очевидцы.

Кроме прочего, у Лены была прелестная южнославянская фамилия, которую назвать я никак не могу, так как папа у Лены — генерал, что на отношениях детей никак не отражалось. Если бы не дополнительное обстоятельство: мама была **генеральша!** Причём, безподделошная. Кроме того был ещё старший брат — Володя. На первый взгляд нормальный парень, за исключением самомнения генеральского сына. Парадокс какой-то! Человек как человек, если

бы не самоуверенность в том, что до Генерала дослужился не папа, а он сам лично! Оба они вместе с мамой могли, конечно, представлять некоторую помеху. Но не для Михайлы Васильича! Он их попросту отложил на будущее.

Ну а пока ребята наши старались не расставаться всё возможное время. Вплоть до того, что если у Михайлы Васильича были окна, он ходил с Ленкой на её лекции. Тут-то всё и началось.

В этот раз наш герой пришёл вместе с Леной на лекцию по подведению итогов **«эксперимента Дидье Дезора»**, проведённого студентами.

Пару слов о содержании эксперимента. Селят крыс по шесть штук в помещениях специальной конструкции: посередине аквариум (в начале без воды), с одной стороны домик с лесенкой, с другой стороны кормушка. В определённое время в кормушку подают пищу, крысы спускаются по лесенке, бегут за едой, возвращаются в домик и там едят. Всё чётко и легко, на обучение требуется один день. Все бегают, все возвращаются, все едят.

Затем в аквариум начинают подливать воды. В начале порядок сохраняется. До тех пор, пока крысам не приходится начинать плавать или даже нырять (в зависимости от условий проведения эксперимента). То есть, до тех пор пока получение пищи не становится достаточно затруднительным. И здесь в рядах наших «крысунов» начинается серьёзное разделение на четыре группы.

Первая — **Эксплуататоры**, две штуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.